

Иван Иванович Панаев

Как добры люди!

Иван Иванович Панаев

Как добры люди!

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=660075

*Собрание сочинений Ив. Ив. Панаева. Томъ первый. Повѣсти и рассказы
1834-1840.: Изданіе В. М. Саблина; Москва; 1912*

Аннотация

«Какъ я люблю огромную залу, горящую тысячами огней, которые ослѣпительно играютъ на позолотѣ и бесконечно отражаются въ неизмѣримыхъ зеркалахъ, и эти цвѣтныя гирлянды дамъ, ароматическія гирлянды, переплетенныя жемчугомъ, брилліантами и золотомъ, и этотъ бѣшенный вальсъ, такъ хорошо понятый геніемъ гостиныхъ, этимъ плѣнительнымъ Штраусомъ, танецъ соблазна и нѣги, отъ котораго замираетъ дыханіе!...»

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Иван Иванович Панаев

Какъ добры люди!

Посвящается М. А. Языкову.

*Поэтъ, не дорожи любовію народной.
А. Пушкинъ.*

Какъ я люблю огромную залу, горящую тысячами огней, которые ослѣпительно играютъ на позолотѣ и безконечно отражаются въ неизмѣримыхъ зеркалахъ, и эти цвѣтныя гирлянды дамъ, ароматическія гирлянды, переплетенныя жемчугомъ, брилліантами и золотомъ, и этотъ бѣшенный вальсъ, такъ хорошо понятый геніемъ гостиныхъ, этимъ плѣнительнымъ Штраусомъ, танецъ соблазна и нѣги, отъ котораго замираетъ дыханіе!.. Этотъ неумолкающій говоръ, и отрывки рѣчей, и полувзгляды, и вѣчное движеніе, и странная пестрота, и фантастическое великолѣпіе — развѣ все это не поэма въ полномъ и современномъ значеніи этого слова, и развѣ она не занимательнѣе цѣлыхъ страницъ in-folio, вырванныхъ изъ громадной Иліады, развѣ не пестрѣе, не цвѣтистѣе и не понятнѣе какой-нибудь длинной сказки Шехеразады?.. Сколько любви, сколько страстей, сколько надеждъ, сколь-

ко мыслей волнуются въ этой залѣ! А подь громъ оркестра, подь чародѣйные звуки, подь гармоническій голосъ Россини и Моцарта, сердце сильнѣе бьется въ груди, страсти мятежныѣ разгораются, ярче блещетъ надежда, мысли какъ-то легче настраиваются на поэтическій ладъ и безконечнѣе развиваются...

Мнѣ всегда казались сомнительными люди, нападающіе на общество, люди, злословящіе людей. И, въ самомъ дѣлѣ, эти Манфреды и Лары въ короткихъ и узкихъ фракахъ, съ черепаховыми лорнетами на груди, проповѣдывающіе байронизмъ и важно разсуждающіе о Гётевомъ «Фаустѣ», прислонясь къ мраморному камину, уставленному вычурными вещами *рококо* — не должны ли они, эти люди, казаться немного сомнительными? — Но мнѣ непріятна хула на людей даже въ устахъ человѣка, не выходящаго изъ ограниченнаго очертанія своего домашняго круга и читающаго только въ русскихъ переводахъ повѣсти Бальзака и Зандъ.

Я не разъ слышалъ рассказы о злобѣ людей, о ихъ эгоизмѣ, мстительности и о прочемъ, скрывающемся подь непроницаемою личиною милой свѣтской привѣтливости: эти рѣчи вырывались часто изъ сердца глубоко уязвленнаго; въ рѣчахъ была та страдальческая музыка, отъ которой нехотя наворачиваются на глазахъ слезы; и странно: при всемъ этомъ я до сихъ поръ еще такъ люблю людей и такъ простодушно вѣрю ихъ добросердечію!

Или опытъ не сжималъ меня своею желѣзною рукавицей,

или я принадлежу къ числу тѣхъ *милыхъ* людей, которымъ, Богъ знаетъ почему, истина никогда не показывается лицомъ къ лицу, и которые вѣчно скользятъ по поверхности чело-вѣчества?

Да, что ни говорите, а въ чело-вѣкѣ мнѣ кажется все искреннимъ отъ самыхъ важныхъ дѣйствій его до самаго незначи-тельного движенія. Я не могу себѣ представить злодѣя съ простодушною улыбкою, подлеца, не краснѣя говорящаго о чести, ханжу, со слезами разсуждающаго о высокомъ хри-стіанскомъ долгѣ. Въ Тартюфѣ я никогда не могъ видѣть лицо дѣйствительное; правда, Яго, Шекспировъ Яго всегда смущалъ меня, но я гналъ прочь отъ себя образъ этого демо-на, это чудовищное порожденіе исполина-поэта. Я думалъ — и часто теперь думаю: если я не далъ повода людямъ дѣлать мнѣ зло, они, вѣрно, не сдѣлаютъ мнѣ зла... и искренно жму руку каждому, и считаю каждое привѣтствіе на это рукопо-жатіе искреннимъ...

Случилось (не помню, очень давно кто-то сказывалъ мнѣ) — что отъ одного слова какой-то жеищины зависѣло счастье или несчастье, спокойствіе или страданье цѣлаго семейства. Она очень хорошо знала объ этомъ, и что же? Слывя въ свѣтѣ за необыкновенно *чувствительную* и *добродѣтельную*, не запинаясь, еще съ равнодушною улыбкою, произнесла сло-во, которымъ погубила цѣлое семейство и сдѣлалась убійцею чело-вѣка. Правда ли это? Какъ смѣть поручиться, что этотъ поступокъ былъ умышленный?

Нѣтъ, это клевета на людей, самая дерзкая клевета! О, люди понимаютъ и умѣютъ сочувствовать до самоотверженія несчастію вчуже. Нужно ли слезъ — они плачутъ; нужно ли утѣшенія — они утѣшаютъ, и съ какимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, съ какою энергическою силою!.. Слово и слезы! чего же болѣе? Они плачутъ въ театрѣ отъ кривляній актера, закалывающаго себя бумажнымъ кинжаломъ; ихъ слезы градомъ льются на чувствительныя страницы какого-нибудь романа... О, какъ же они должны сострадать истинному несчастію! Я убѣжденъ, что людямъ доступно все высокое, все прекрасное — и безграничная степь морской зыби, позлащенной вечернею зарею, и молнія, мгновенно обхватывающая пламенемъ черное небо, мгновенно озаряющая землю страшнымъ сіяньемъ послѣдняго дня, и тихій вечеръ, растворенный ароматомъ цвѣтовъ, когда вся природа роскошно отдыхаетъ, упоительно нѣжится, когда все въ дивномъ, благоговѣйномъ безмолвіи, только соловей свищетъ, трелить и заливается...

Ради Бога, не увѣряйте меня, что для людей мертва поэзія природы. Неправда! Они съ благоговѣйнымъ страхомъ, съ молитвою на устахъ, внемлютъ гласу Божьему въ часъ бури; они съ трепетомъ сердца, съ замираніемъ духа прислушиваются къ выстраданной гармоніи великаго поэта.

Для нихъ дорогъ онъ — избранникъ Господень, вдохновенный провидѣцъ грядущаго, чудодѣйственно возносящій ихъ къ небу и съ недостигаемой высоты показывающій имъ, бѣд-

нымъ муравьямъ, на точку земли, гдѣ они суетливо и безтолково роятся! И они, въ награду за это, лелѣютъ его, устилаютъ жизненный путь его цвѣтами, хранятъ его, какъ зѣницу ока! — Я гдѣ-то читаль: «общество убило поэта». Какая нелѣпая фраза! Эти *добрые*, сострадательные люди, составляющіе общество, посягнуть на жизнь своего собрата, и еще какого собрата — который доставлялъ имъ столько свѣтлыхъ, отрадныхъ минутъ въ жизни? Они вырвутъ изъ собственной діадемы единственное ея украшеніе, многоцѣнный камень, сіявшій тысячами радужныхъ переливовъ — вырвутъ и безумно втопчутъ его въ грязь?.. Это смѣшно! Можно ли составлять такіа безсмысленныя фразы и такъ безжалостно позорить общество?..

Можетъ быть, точно, люди бываютъ иногда причиною гибели поэта, но это совершенно неумышленно, только по одному невѣдѣнію. И потомъ какими тяжкими страданіями, какою раздирающею горестію выкупаютъ они свое невинное преступленіе! Посмотрите, какъ, рыдая, они обступаютъ гробъ великаго человѣка — а вѣдь эти рыданія такъ искренни! Они готовы выплакать сердце, смотря на безмятенное чело навѣки успокоившагося страдальца. Когда терновый вѣнокъ жизни упалъ съ головы его, они украшаютъ эту священную голову лаврами. *Добрые люди!* Нто, если бы онъ, великій, возсталъ въ эту минуту и посмотрѣлъ на свою апоѳеозу? Не правда ли, онъ примирился бы въ лицѣ этихъ людей съ цѣлымъ человѣчествомъ, онъ обнялъ бы ихъ какъ братьевъ?

Да, несмотря ни на какія выходки ненавистниковъ чело-
вѣчества, я снова повторяю, что убѣжденъ въ добротѣ лю-
дой... И вотъ почему я люблю эти торжественныя, вели-
колѣпныя сборища, ихъ балы и рауты, гдѣ жизнь, доведен-
ная до высшей степени цивилизаціи, какъ искусно выгранен-
ный алмазь, блеститъ, ослѣпляя. Вотъ почему я люблю без-
требовательныя, семейныя сходки, гдѣ все дышитъ патриар-
хальною простотою, радушіемъ и этимъ христіанскимъ спо-
койствіемъ – высшею мѣтою человѣческаго счастья. О, я хо-
чу жить съ людьми! Чѣмъ болѣе людей вокругъ меня, тѣмъ
мнѣ легче. Я открою имъ всѣ тайныя мои помыслы, мои на-
дежды, все, что хранится въ тайникѣ моего сердца – и они
поймутъ меня. Тогда, въ минуту скорби, они растолкуютъ
мое горе; въ минуту отчаянія они безмолвно прижмутъ меня
къ груди своей. Что на свѣтѣ отраднѣе участія – мысли, что
тебя понимаютъ, что состраждутъ тебѣ?

Я непременно перестану слушать этихъ чудаковъ, кото-
рые хотятъ во что бы то ни стало быть врагами чело-
вѣчества: я буду бѣгать отъ нихъ и отъ ихъ темныхъ и вялыхъ повѣ-
стей. Несчастные! они, право, смѣшны и жалки; ихъ должно
просто оставлять въ покоѣ, Богъ съ ними, съ этими дюжин-
ными людьми!

Жаль только, когда человѣкъ съ душою сильною и энер-
гическою впадаетъ въ подобное заблужденіе. Съ годъ тому
назадъ я встрѣтилъ такого человѣка и слышалъ его разсказъ.
Этотъ разсказъ врѣзался въ моей памяти; я не проронилъ

изъ него ни одного слова, и хотя онъ сильно подѣйствовалъ на меня, но все-таки не могъ поколебать мои вѣрованія. То было, какъ теперь помню, въ одинъ изъ тѣхъ скучныхъ осеннихъ вечеровъ, когда небо сливается съ землею мглистымъ, дождливымъ туманомъ; когда дымъ стелется по землѣ; когда сырость насквозь проникаетъ васъ; когда нѣтъ этого постепеннаго перехода отъ сумерекъ къ ночи, этого таинственнаго и отраднаго часа... Еще не было семи часовъ, а уже огни тускло мерцали сквозь туманъ во многихъ окнахъ, изъ десяти шагахъ на улицѣ нельзя было различить человѣка. Плащъ мой отяжелѣлъ отъ дождя; съ полей шляпы моей начинали скатываться капли; я чувствовалъ дрожь; до квартиры было далеко... Тутъ только я вспомнилъ объ одномъ моемъ коротко знакомомъ, который жилъ въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ я остановился въ раздумьи: куда бы укрыться отъ ненастья? Черезъ минуту я былъ въ теплой комнатѣ, и даже у камина, и – что еще лучше – въ обществѣ людей близкихъ мнѣ. Когда, послѣ обычныхъ разспросовъ и возгласовъ, я улегся въ уютныхъ креслахъ и подкатился къ камину, хозяинъ дома сказалъ кому-то:

– Ну, что жъ, продолжайте. Вотъ вамъ еще слушатель, и, предупреждаю, самый отчаянный защитникъ человѣчества, во всѣхъ поступкахъ людей видящій одну хорошую сторону.

Я поставилъ къ стѣнѣ вычурную лопатку, которою лѣниво переворачивалъ уголья въ каминѣ, и оборотился въ сторону. Въ эту только минуту я увидѣлъ незнакомаго человѣка, ко-

тораго совершенно не замѣтилъ при входѣ, и къ которому, вѣроятно, относились слова хозяина. Этотъ человѣкъ сидѣлъ нѣсколько поодаль камина, въ тѣни, и курилъ сигару. Огонь, вспыхивающій по временамъ на кончикѣ этой сигары, освѣщаль черты лица его, и только при помощи этого минутнаго, красноватаго блеска да мерцанья въ каминѣ я успѣлъ составить очеркъ для портрета этого человѣка. Ему было лѣтъ тридцать пять, можетъ быть нѣсколько поболѣе; смуглая кожа обтягивала сухощавое лицо его, большіе каріе глаза изрѣдка свѣтились изъ-подъ черныхъ нависшихъ бровей, безпрестанно двигавшихся.

Онъ ни слова не отвѣчалъ на замѣчаніе хозяина дома, будто оно не относилось къ нему; онъ, казалось, не замѣтилъ моего движенія и взгляда, только пустилъ изо рта густое облако дыма, и когда это облако разостлалось по комнатѣ, я увидѣлъ при свѣтѣ постепенно разгоравшагося камина, какъ онъ медленно приподнималъ брови, недовѣрчиво осматривалъ меня съ ногъ до головы, какъ нижняя губа его пошевелилась насмѣшливо, и потомъ, какъ онъ снова надвинулъ брови на глаза. Странно! Какое-то незнакомое мнѣ доселѣ чувство робости и сознаніе въ собственной слабости промелькнули во мнѣ въ ту минуту, когда онъ меня осматривалъ.

Всѣ молчали. Это молчаніе становилось какъ-то неловко. Я понималъ, что присутствіе этого чловѣка тяготитъ не одного меня, что онъ имѣетъ странное вліяніе на всѣхъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, при которыхъ отнимается и сво-

бода, и веселость. Видно, этотъ господинъ принадлежалъ къ числу такихъ людей. Я снова принялся за лопаточку и началъ перевертывать уголья въ каминѣ. Наконецъ хозяимъ дома рѣшился прервать тягостное молчаніе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.